

0-772055

На правах рукописи

ИСМАГИЛОВА ГУЛЮСА КУРБАНГАЛИЕВНА

**ЛЕКСИКА РОМАНОВ ГАЯЗА ИСХАКИ
«НИЩЕНКА», «МУЛЛА БАБАЙ»**

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

КАЗАНЬ – 2008

Работа выполнена в отделе общей лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Ганиев Фуат Ашрафович

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Галнуллин Камель Рахимович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Зайнуллин Марат Валиевич

кандидат филологических наук
Галнуллина Гульнара Вагизовна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Набережночелнинский государственный педагогический институт»

Защита диссертации состоится «21» октября 2008 г. в 14⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 022.001.01 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Институте языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан по адресу: 420111, Республика Татарстан, г.Казань, ул.Лобачевского, 2/31.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке Казанского научного центра РАН (Республика Татарстан, г.Казань, ул.Лобачевского, 2/31).

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ «18» сентября 2008г. (<http://www.iyal.iantat.ru/dissertacii.html>). Режим доступа: свободный.

Автореферат разослан « 21» сентября 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000510935

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

А.А.Тимерханов

Общая характеристика работы Актуальность исследования

Исследование языка художественных произведений – это прежде всего изучение лексики, которая отражает своеобразное видение, понимание объективной действительности писателя. Языковеды неоднократно писали об информационном потенциале лексики, передающей самое разное содержание. Изучение лексики художественных произведений дает возможность не только объяснить употребление языковых средств, но и охарактеризовать особенности писательского идиолекта.

В диссертационной работе исследуется лексика двух известных романов Г.Исхаки «Нищенка» (1901–1908), «Мулла бабай» (1910). До сегодняшнего дня лексика этих произведений специально не изучалась, если не считать нескольких статей и ряда высказываний в диссертационных работах, где романы рассматриваются наряду с другими произведениями писателя [Баширова И.Б., 1990, 2000; Сафиуллина Ф.С., 2000; Губайдуллина Г.Ф., 2001; Курбатов Х.Р., 2003; Хаков В.Х., 2003]. Ранее лексика романов не подвергалась системному анализу с учётом широкого круга языковых признаков. Настоящее исследование посвящено комплексному анализу лексики в различных аспектах с применением методов традиционного языкознания и компьютерной лингвистики.

Актуальность исследования определяется необходимостью всестороннего комплексного научного исследования лексики романов Г.Исхаки «Нищенка», «Мулла бабай». В ней впервые выявляются художественно-изобразительный потенциал различных частей речи, экспрессивные возможности, семантические свойства лексики в исследуемых романах, а также богатый арсенал эмоционально-экспрессивных средств. В работе раскрываются семантическая активность и выразительные возможности морфологических ресурсов. На основе статистического анализа определяется частота употребления разнообразных групп лексики.

Полученные результаты изучения лексики романов Г.Исхаки представляют ценность для дальнейших исследований в области татарского языкознания и компьютерной лингвистики.

Объектом исследования являются романы Г.Исхаки «Нищенка», «Мулла бабай», которые вышли в свет в третьем томе собрания сочинений известного писателя (2001).

Предметом исследования выступает лексика романов, которая содержит слова, выделяющиеся яркими экспрессивными свойствами. Особое внимание уделяется функциональным и грамматическим особенностям лексики.

Целью диссертации является комплексное изучение лексики романов Г.Исхаки «Нищенка», «Мулла бабай» в частеречном, лексико-семантическом, лингвоквантитативном аспектах.

Для достижения цели были поставлены следующие основные исследовательские задачи:

- изучение истории исследования языка художественных произведений в тюркологии и татарской лингвистике;

- анализ работ, посвященных изучению языка художественных произведений Г.Исхаки;
- частеречная классификация лексики романов, изучение их экспрессивных возможностей;
- полная инвентаризация словарного состава романов в рамках конкордансов, алфавитно-частотного, частотного словоуказателей;
- выявление генетических пластов лексики, использованных в романах (тюрко-татарская часть лексики, арабо-персидские, русские и западноевропейские заимствования);
- тематическая классификация лексики;
- функционально-стилистическая характеристика лексики романов (просторечные слова, книжная лексика, эмоционально-экспрессивная лексика, жаргонизмы, арготизмы, диалектизмы и т.д.);
- анализ системно-семантических связей слов (полисемия, синонимия, антонимия, омонимия).

Цель и задачи обусловили выбор следующих методов исследования: описательный, сравнительно-исторический, статистический, а также лексико-семантический, сопоставительный, функционально-стилистический.

Методологической базой исследования послужили положения, разработанные в трудах В.В.Виноградова, Г.А.Солганика, Д.Э.Розенталя и др.; теоретической базой послужили работы известных тюркологов: Э.В.Севортяна, А.М.Щербака, А.Н.Коновнова, Э.Н.Наджиба, Дж.Г.Киекбаева; а также видных татарских языковедов: Г.Х.Ахунзинова, Х.Р.Курбатова, В.Х.Хакова, Ф.А.Ганиева, Д.Г.Тумашевой, Ф.С.Сафиуллиной, И.Б.Башировой, Д.Б.Рамазановой, Т.Х.Хайрутдиновой и др.

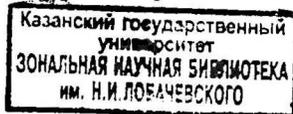
Научная новизна работы заключается в том, что в ней исследованы в полном объеме художественно-изобразительные средства и лексика рассматриваемых романов Г.Исхаки; впервые даны лингвографические словари, дающие информацию о степени повторяемости лексики и выявляющие употребление разновариантных слов, специфичных только для писателя Г.Исхаки; выделены генетические пласты лексики с точки зрения семантики и стилистики. Исследование такого плана романов писателя не имеет аналогов в татарском языкознании.

Теоретическая значимость состоит в том, что в диссертации раскрыты функциональные особенности различных групп лексики в романах Г.Исхаки, позволяющие определить специфику идиолекта писателя, его индивидуального стиля.

Практическая ценность состоит в том, что материалы исследования могут быть использованы в работах по писательской лексикологии и лингвографии, при составлении соответствующих словарей.

На защиту выносятся следующие основные положения диссертации:

- исследование лексики романов «Нищенка», «Мулла бабай» по группам, грамматическим особенностям и генетическим пластам;
- анализ художественно-изобразительных средств вышеуказанных романов;

- частотная классификация лексики романов.

Апробация. Основные положения и результаты исследования легли в основу докладов на итоговых научных конференциях ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова (2004, 2007), на конференции молодых ученых и специалистов Казанской государственной академии ветеринарной медицины (2006). По теме диссертации имеется 5 публикаций, одна из которых напечатана в ведущем рецензируемом журнале ВАК.

Структура работы определяется поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, перечня условных сокращений, списка использованной литературы и приложения.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, определяются цель и задачи работы, устанавливаются методы исследования. Также раскрывается научная новизна темы, ее теоретическая и практическая значимость, приводятся сведения об апробации и структуре диссертации.

Первая глава «История изучения языка письменных памятников и художественных произведений в тюркологии и татарском языкознании» состоит из трех разделов.

В первом разделе дается исторический обзор изучения языка письменных памятников и художественных произведений в тюркологии, где большая заслуга в области изучения лексики тюркских языков принадлежит первому тюркологу Махмуду Кашгари, который оставил свод сведений о тюркских племенах и их языках в труде «Дивани лугатит-тюрк». С тех пор проделана значительная работа по изучению языка древнетюркских памятников и современных художественных произведений.

В конце XIX и начале XX вв. в тюркологии изучением лексики различных текстов занимались такие языковеды, как А.К.Бакиханов, Н.Ф.Катанов, Н.К.Дмитриева.

В трудах вышеупомянутых ученых нашли отражение отдельные области исследования (фонетика, морфология и др.) тюркоязычных памятников. Первые сведения о языке письменных памятников даются тюркологом А.Н.Самойловичем на уровне фонетики. Учёный пришёл к выводу, что в языке памятника «Киссаи Йусуф» имеются кыпчакские элементы. Он также отметил, что эта поэма похожа на роман «Хосрав и Ширин» в плане словарного материала.¹

Следует отметить, что в начале XX в. в истории изучения языка художественных произведений преобладал литературоведческий подход. В дальнейшем постепенно лингвисты стали уделять больше внимания общим теоретическим вопросам лингвистического изучения текста. В этом направлении достойна упоминания деятельность таких ученых, как Г.П.Мельникова, Г.Ф.Благова, К.М.Мусаев, Э.Н.Наджиб.

¹ Самойлович А.Н. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка/А.Н.Самойлович // Мир-Али-Шир. – Л., 1928. – С. 28.

В отдельных тюркских языкознаниях язык художественных произведений исследован довольно подробно. В азербайджанском языкознании выделяется диссертационная работа М.Б.Мамедова «Лексика и фразеология прозаических произведений Н.Нариманова» (1964), в которой проведен всесторонний лингвистический анализ.

В туркменском языкознании выделяется работа М.Ислами, посвящённая исследованию языка представителя туркменской книжной поэзии – Довлет-Мамеда Азади. Автор выявил особенности языка его произведений, как с точки зрения лексики, так и с точки зрения грамматических особенностей. Он установил, что Довлет-Мамед Азади не ограничивался употреблением лексем арабо-персидского происхождения, он иногда вводил целые словосочетания и предложения, которые черпались без учёта фонетических и семантических изменений на туркменской почве.²

В узбекском языкознании язык художественных произведений подробно исследован в диссертационных работах И.Кучкартаева «Фразеологическое новаторство Абдуллы Каххара» (1965), М.Рахматуллаева «К вопросу изучения синонимов в языке Алишера Навои (на материале уникальной рукописи дивана “Наводир-ан-нихоя”, переписанной в XV в.)» (1969). В этих работах проведен полный лексико-семантический анализ вышеназванных произведений

Как известно, самой главной задачей стилистической лингвистики является системный анализ лексики. Изучение лексики раскрывает многомерную и разнообразную жизнь слов. Развитие, взаимодействие значений слов и их связь друг с другом заслуживают самого серьезного изучения.

Среди работ, посвящённых лексике художественных произведений, заметное место занимают кандидатские диссертации. В башкирском языкознании В.В.Ганеев в своей диссертационной работе проанализировал лексические, морфологические, синтаксические особенности произведений Дж.Г.Киекбаева. В работе проведен комплексный анализ художественно-изобразительных средств, выявлены стилистические функции фразеологизмов, фольклорных элементов.³

Во втором разделе излагаются сведения об изучении языка письменных памятников и художественных произведений в татарском языкознании. М.Иванов одним из первых выделил разговорную и письменную формы языка. Автор чётко разграничил письменный и разговорный язык.⁴

В татарском языкознании Л.З.Залая занимался вопросами языка писателей. Его статья «Татар художество әдәбияты телен бағтуда Ш.Камалның роле» посвящена вопросам, связанным с исследованием языка художественной литературы: во-первых, это связь языка писателя с его эпохой, во-вторых, это анализ языка персонажей.⁵

² Ислами М. Словарь языка Довлет-Мамеда Азади: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Ислами; ТГУ им. М.Горького. – Ашхабад, 1966. – 20 с.

³ Ганеев В.В. Особенности языка и стиля художественных произведений Дж.Г.Киекбаева: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.В.Ганеев, изд-во БирГПИ. – Уфа, 2002. – 21 с.

⁴ Иванов М. Татарская грамматика / М.Иванов. – Казань: тип. Казан. ун-та, 1842. – 311 с.

⁵ Жалый Л. Татар художество әдәбияты телен бағтуда Ш.Камалның роле (Роль Шари́фа Камала в обогащении татарского художественного литературного языка) / Л.Жалый // Совет әдәбияты. – 1940. – № 1, 2. – С. 73 – 87.

В 1968 году И.А.Абдуллин выпустил труд, посвященный исследованию языка драм Г.Камала, в котором признал тот факт, что в татарском языкознании изучение стиля писателя – молодая наука, основоположником которой является Л.З.Залай. В начале своего труда И.А.Абдуллин написал о вкладе Г.Камала в развитие татарского литературного языка. Один раздел книги посвящен всестороннему изучению языка драмы «Бәхетсез егет» (Несчастный парень). В этом разделе рассматриваются русские, арабо-персидские заимствования, книжная лексика, просторечная лексика, фразеологизмы. Автор также обратил внимание на достижение Г.Камала в построении диалогической речи персонажей (диалог-дискуссия, диалог-комментарий, виды полилога и монолога).⁶

Многие теоретические основы изучения языка художественных произведений рассматривались Х.Р.Курбатовым в разные годы, они вполне актуальны и на сегодняшний день. Например, он разделил стилистику на несколько частей: лексическую, грамматическую, речевую. Автор охарактеризовал особенности стилистики, используя примеры из творчества разных писателей, поэтов. В разделе грамматической стилистики рассматривались не только части речи, но и синтаксические фигуры, антитеза, хиазм, инверсия, эллипсис. Особое внимание уделено ритмике стиха в разделе фонетической стилистики. Конкретизация таких терминов, как *белый стих*, *рифма*, *аллитерация*, *свободный стих* осуществлялась на основе примеров, приведённых из произведений известных авторов. Как один из важнейших разделов стилистики выделяется лексическая стилистика, которая занимает ведущее место среди других разделов. В нем автором описываются дифференциальные признаки, свойственные большинству лексических единиц – форма, содержание, значение, номинация, фразеологизм и т.д.⁷

За последние годы появилось большое количество диссертаций, посвящённых языку художественных произведений. Среди них выделяются работы Ф.Ш.Нуриевой «Исследование языка памятника XIV века “Нахдж ал-Фарадис”» (1993), Э.Х.Кадыровой «Исследование лексики поэм Мухаммедьяра (XVI в.)» (1999), Р.Р.Гараевой «Лексико-стилистические проблемы творчества И.Юзеева» (2001), А.Р.Губайдуллиной «Исследование языка “Сэяхетнаме” и эпистолярно-публицистических произведений Фатиха Карими» (2002), Л.К.Кадыровой «Лексико-семантические и стилистические особенности хикметов Ахмада Ясави» (2002), Л.Р.Сафиной «Фразеология прозы Фатиха Хусни» (2005).

Особый интерес для лингвистов представляет монография Х.Х.Кузьминой, в которой проведен комплексный анализ лексики письменного памятника, написанной в XVIII в. Автор особое внимание обращает на полисемию, синонимию, антонимию, парные слова, арабо-персидские заимствования. Семантическому, этимологическому и стилистическому анализу в монографии

⁶ Абдуллин И.А. Г.Камал драмаларының теле (Язык драм Г.Камала) / И.А.Абдуллин. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1971. – 192 б.

⁷ Курбатов Х.Р. Хәзерге татар әдәби теленең стилистик системасы (Стилистическая система современного татарского языка) / Х.Р.Курбатов. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1971. – 192 б.

подвергнуты около 150 слов, относящихся к именной части тюрко-татарской лексики.⁸

В третьей разделе рассматривается история исследования языка писателя Г.Исхаки. Интерес к изучению своеобразия языка и стиля видного татарского писателя Г.Исхаки значительно возрос. В последние годы выходят статьи, монографии, которые вносят определенную лепту в изучение мастерства писателя. Все эти работы – докторские, кандидатские диссертации доказывают, что писатель находится в центре внимания общественности.

В изучении произведений Г.Исхаки особо следует отметить статью Дж.Валиди, посвященную нескольким его произведениям. Автор обратил внимание прежде всего на то, что в романе «Ниценка» описываются и проблемы нации.⁹

За последние годы к творчеству Г.Исхаки обращались В.Х.Хаков, И.Б.Баширова, Х.Р.Курбатов, Ф.С.Сафиуллина, Г.Ф.Губайдуллина и другие, которые высказывали различные мнения о языке его произведений. И.Б.Баширова рассмотрела несколько произведений Г.Исхаки. Она обратила внимание на персидские, арабские, турецкие заимствования, которых гораздо меньше, чем в произведениях других авторов. Наряду с примерами из произведений Г. Исхаки для сравнения автором приведены примеры из сочинений Ф.Амирхана, Ш.Камала, Ф.Карими. Автор также отмечает, что в начале века у всех писателей наблюдаются варианты слов с чередованием согласных: *г – к, д – т, й – ж, н – ң, п – ф, л – г, о – ч* и др.¹⁰

Особый интерес представляет статья В.Х.Хакова «Эдип Гаяз Исхакийнын татар милли әдәби телен үстерүдәге эшчәнлеге» (Роль прозаика Гаяза Исхаки в развитии национального литературного языка) (2003). Автор подчеркивает тот факт, что в творчестве писателя наблюдаются заметные изменения, когда он вместо традиционных явлений письменного-литературного языка начинает употреблять устаревшие грамматические формы устно-разговорного языка (-ыны / -ын, -ымыз / -дын / -дан, *сагынамын / сагынам* «скучаю» и т. д.). Вместе с тем, отмечается активизация форм инфинитива *-рга*, деепричастия *-гач*, *-ганчы*, причастия *-ачак*. Автор также рассмотрел материалы, связанные со словообразовательными средствами, расширением значений слов, характерными для этого писателя.¹¹

Во второй главе «Классификация лексики романов Г.Исхаки по частям речи» проводится исследование системы грамматических форм и категорий частей речи.

⁸ Кузьмина Х.Х. Лексика поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали / Х.Х.Кузьмина. – Казань: Дас, 2001. – 104 с.

⁹ Исхакий Г.Г. Әсәрләр: 15 томда. (Произведения в 15 т.) / Г.Г.Исхакий. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. – 8 т. – 447 б.

¹⁰ Баширова И.Б. Язык художественной прозы Г.Исхаки / И.Б.Баширова // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности: сб. науч. тр. / ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АНТ. – Казань, 1990. – С. 132-138.

¹¹ Хаков В.Х. Эдип Гаяз Исхакийнын татар милли әдәби телен үстерүдәге эшчәнлеге (Роль прозаика Г.Исхаки в развитии национального литературного языка) / В.Х.Хаков // Тел – тарих кәзгесе (Язык – зеркало истории): сб. ст. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2003. – Б. 222-227.

Слова всех частей речи занимают важное место в романах. Это обусловлено их семантическими свойствами изобразительно-выразительными ресурсами.

В романе «Нищенка» часто встречается традиционный уйгурский вариант суффикса исходного падежа - *дин*, который широко функционирует и в произведениях М.Кулый, Г.Кандалый, Г.Утыз-Имяни: Аллахе Тәгаләдин бирелә торган «гыйшык» [Н., 14] '«влюбленность», которая дается от господ Бога'.

Следует отметить, что при классификации лексики романов по частям речи за основу были взяты труды В.Х.Хакова (1999, 2003), Д.Г.Гумашевой (1977, 1978), И.Б.Голуб «История татарского литературного языка (XIII – первая четверть XX вв.)», «Татарская грамматика», Т. II (2002).

В первом разделе рассматриваются **существительные**. Собственные имена выделяются неограниченными возможностями образного применения. Представители интеллигенции названы такими именами, как Галиакбар, Галим, Мансур, Сагадат, Халим; средний слой населения, бедняки, рабочие имеют более скромные имена Вали, Гайни, Зухра, Садри, Фахри.

В исследуемых романах падежная система представлена шестью формами: именительный, дательный, винительный, творительный, местно-временной падежи. Однако значений, передаваемых ими, гораздо больше количества падежных форм. Иногда в романах вместо традиционного ожидаемого падежа употребляется другой падеж: вместо исходного падежа – дательный падеж (*аның күңелендә Сагадәткә башка бер уй калмады, аның башында: «Сагадәт табыламы?»*) – *дигән сөялгә башка бер фикер калмады* [Н., 129] 'в его душе не осталось никакой другой мысли кроме Сагадат, в его голове не осталось ни одного замысла кроме вопроса: «Найдется ли Сагадат?»'; вместо местно-временного падежа – дательный падеж (*салкынга киярлек бер киеме дә булмаганга* 'из-за того что не было ни одной одежды одевать в холода'); вместо исходного падежа – местно-временной падеж (*бай угыллары арасында искереп беткән куртқада утыру* 'среди сыновей богатых сидеть в изношенной куртке').

В романах часто наблюдается имя существительное 3 лица с суффиксом принадлежности в традиционной форме: *аның ялгызлык кайгысыны* 'ее горе одиночества'; *аның бәтен киченә* 'его весь вечер'.

У Г.Исхаки суффиксы *-ныкы/-неке* тоже выражают значение, близкое суффиксу принадлежности. В первую очередь, эта форма означает принадлежность предмета владельцу. Она склоняется во всех падежах, как имена существительные с суффиксом принадлежности: *мулла кызыныкы төсле* 'как у дочери муллы'.

Во втором разделе анализируются глаголы, которые являются богатым источником выразительных средств в романах «Нищенка», «Мулла бабай». Глаголы представляют действие как процесс, в грамматических формах времени, лица, наклонения, залога. У Г.Исхаки повествование ведется во всех формах прошедшего времени.

В романах активно употребляются *причастия прошедшего, будущего и настоящего времени*.

Наиболее часто формы причастий прошедшего времени используются автором в романах. Причастия с суффиксами *-ган/-гән, -кан/-кән* передают два значения: 1) прошедшее время, 2) имя действия.

1) Причастия прошедшего времени характеризуют субъект процесса: *йылы гына, халык исе белән тулган һава аларны кочаклап алды* [Н., 181] 'довольно теплый, наполненный запахом людей, воздух заключил их в объятия'. Такие причастия также определяют явления, возникшие в результате процесса: *Габдулла берлә бер маржаның кулга-кул тотынышкан көенчә бер гостиницага кереп баруларын күрде* [Н., 184] 'увидела, как Габдулла с одной русской женщиной, держась за руки, заходит в одну гостиницу'.

2) При передаче значения имени действия причастия, как и существительные, принимают падежные суффиксы, число, категорию принадлежности: *кая барганын эллә кайчан хәтереннән чыгарды* [Н., 185] 'давно забыла, куда шла'.

Причастие на *-ган/-гән*, принимая суффикс *-лык/-лек* может выражать имя действия: *нишләп болай чишенмәенчә ятканлыгын* [Н., 185] 'зачем лежала так, не раздевшись'.

Причастия будущего времени представлены формами *-ыр/-ер, -ар/-әр, -р, -ачак/-эчәк, -асы/-әсе* и выражают значение: 1) действие будущего времени; 2) будущее действие при оформлении падежными суффиксами.

Причастия будущего времени часто характеризуют процесс по отношению ко времени: *чай бетәр алдыннан асрау берничә хат кертеп өстәлгә куеп чыкты* [Н., 215] 'перед тем, как закончилось чаепитие, служанка, занеся несколько писем, вышла, оставив их на столе'.

Формы будущего времени способны употребляться в функции имени действия: *бу сүзләр хәзрәтнең белмәгәнгә салышу ролене уйнавачыгын, Гали өчен беркемнең дә камчы алмаячагыны белдерде* [М.б., 279] 'эти слова известили, что хазрат будет играть роль незнающего, что никто не получит плеть за Гали'.

У Г.Исхаки, как и в современном татарском литературном языке, форма на *-чы/-че* употребляется в значении существительного: *печән чабучыларының эшләүләрене карарга* [Н., 46] 'смотреть работу косарей'; *жырлаучылар туктадылар* [М.б., 243] 'поющие остановились'.

Причастие настоящего времени на *-а торган* определяет объект процесса: *жылы торган хатыннары бастырдылар* [Н., 197] 'плачущих женщин усмирили'.

Субстантивированные формы причастия настоящего времени в основном употребляются в значении субъекта: *беренче – нахүдән сораучы кереп сүз сорады* [М.б., 295] 'первый, спрашивающий по синтаксису, зайдя, попросил слово'.

Деепричастие. В деепричастии совмещены признаки глагола и признаки наречия. В языке исследуемых романов зафиксированы следующие суффиксы, образующие деепричастия:

1) *-ын/-ен, -и*. Обычно эта форма деепричастия выражает действие, одновременное с основным действием или предшествующее основному действию глагола-сказуемого: *Сәгадәт көлөп башын иде* [Н., 220] 'Сагадат, смеясь, наклонила голову'; *үзе туныны, каталарыны хәзерләп, бияләйләрене кесәсенә тыгып, яртылай киенеп атасыны көтә башлады* [М.б., 247] 'сам приготовив

шубу, короткие валенки, положив варежки в карман, полуодевшись, стал ждать отца¹².

Повтор одной и той же формы деепричастия добавляет ей оттенок интенсивности, продолжительности, повторяемости действия: *теге бай кызулап-кызулап йорт эченэ кереп китте* [Н., 87] 'тот богач, торопясь, вошел во внутрь дома'¹².

2) *-а/-ә, -ый/-и*. У Г.Исхаки эти суффиксы являются весьма употребительными и выражают действие, которое протекает одновременно с действием глагола-сказуемого. *Буның каршысындагы шәкерт аптырый-аптырый, чигә-чигә, берсе арты берсе баррикадаларыны югалта башлады* [М.б., 331]. 'Шакирд напротив него, удивляясь, отступая, один за другим начал терять «баррикады»'.

3) *-гач/-гәч, -кач/-кәч*. Данная форма выражает действие, которое предшествует основному действию: *иртә торып, шул төшине сөйләгәч, Галим дә үз фикереннән кайтмакчы булды* [М.б., 339] 'встав утром, после того, как рассказал сон, Галим тоже решил отказать от своего мнения'.

4) *-ганчы/-гәнче, -канчы/-кәнче, ганча/-гәнче, -канча/-кәнчә*. В романах эта форма выражает ограниченность действия по времени и пространству: *озак туктап торып туйганча уйлаулары* [Н., 45] 'стоял долго размышляя, пока не надоело'; *куз ачып, куз йомганча* [М.б., 347] 'не успели глазом моргнуть'.

В большинстве случаев эта форма употребляется для избрания самого лучшего действия среди сравниваемых нескольких действий: *алай булса, минем урыныма ясаганча аңар махәллә аерыйк* [М.б., 364] 'если так, прежде чем посадить его на мое место, разделим ему квартал'.

У Г.Исхаки часто употребляется отрицательная форма, образованная с суффиксами *-маенча/-мәенчә: ачык йөз күрмәенчә, матур сүз ишетмәенчә тора башладылар* [М.б., 303] 'начали жить не видя радушия, не слыша доброго слова'.

В третьем разделе рассматриваются имена прилагательные. Они используются для детальной обрисовки внешности героев, в описании привычек, жизни героев, нередко характеризуют их поведение. Как известно, качественные прилагательные обозначают форму, цвет, объем, физические и внутренние качества предмета, лица непосредственно, без отношения к другим предметам, лицам: *аның шомырт кебек кара кузләре ак фонда тагы карарак кебек тоелды* [Н., 279] 'ее черные, как черемуха глаза на белом фоне показались еще чернее'.

Степени сравнения качественных прилагательных.

Положительная степень не имеет специальных суффиксов: *кызыл, сары, ак, ал күбәләкләр* [М.б., 272] 'красные, желтые, белые, розовые бабочки'.

Сравнительная степень образуется: 1) с помощью суффиксов *-рак/-рәк* и указывает на преобладание того или иного признака: *аның керфекләре тагы озынрак, тагы матуррак күрелә башлады* [Н., 169] 'ее ресницы стали казаться ещё длиннее, ещё красивее';

¹² Татар грамматикасы: 3 томда (Татарская грамматика в 3-х томах). – М.; Инсан; Казан: Фикер, 2002. 2 Т. – 448. б.

2) описательно, без суффикса - *рак*: *хазрэт башка вакыттагыдан да кеэфле кеби күренде* [М.б., 279] 'хазрат показался даже веселее, чем в другое время'. Таким образом, сравнительная степень усиливает образность.

В обоих романах *превосходная степень* прилагательных образуется при помощи усилительных слов *бик* 'очень', *иң* 'самый' и выражает высшую степень качества: *бик ямьсез, озын киёмнәр* [Н., 219] 'очень некрасивые, длинные одежды'.

Преисходная степень прилагательных также образуется путем добавления препозитивных частных частиц к прилагательным: *өстэлгә ап-ак ашьяулык жәелгән* [Н., 52] 'на стол застелена абсолютно белая скатерть'; *чем-кара калфак а. иң йөзене алла никадар ачты* [Н., 168] 'совершенно черный колпак оттенил ее белое лицо'.

Другим способом образования преисходной степени является редупликация основы: *иксез-чиксез дошманлыкка әверелде* [Н., 199] 'превратился в бесконечную враждебность'. В вышеназванных примерах преисходная степень выражает интенсивное проявление значения.

В *четвертом разделе* проводится анализ имен числительных. Среди количественных числительных наиболее часто употребляется числительное *бер* 'один'. Оно передает несколько значений: 1) слово *бер* в большинстве случаев употребляется в своем основном значении 'один': *бер шәкерт белән бер сукыр* [М.б., 345] 'один шакирд с одним слепым'; 2) слово *бер* также означает 'один раз': *бер укыганын ишеткән, икенче, өченче ишетәсе килә иде* [Н., 8] 'один раз услышав как читает, хотелось во второй, третий раз услышать'; 3) *бер* обозначает 'какой-то': *бер кешедән дә оялмый* [Н., 17] 'никого не стесняется'; 4) оно также имеет значение 'каждый': *ясаган бер чынаягын эчә генә бара иде* [Н., 15] 'выпивая одну чашку за другой'.

Количественные числительные часто сопровождаются нумеративными словами. В романах «Нищенка», «Мулла бабай» употреблены следующие нумеративы:

1) для обозначения единства двух одинаковых вещей используется слово 'пара': *бер пар оек* [М.б., 246] 'одна пара чулок';

2) при обозначении количества денег используются такие денежные единицы как *тиен* 'копейка', *тәнкә* 'монета', *сум* 'рубли': *бишәр тиен алсаң* [М.б., 262] 'если получишь по пять копеек'; *дүрт йөз тәнкәң булса* [М.б., 162] 'если бы у тебя было четыреста рублей'; *биш сум акча* [М.б., 270] 'пять рублей';

3) для обозначения меры длины и площади употребляются слова *чакрым* 'верста', *сажин* 'сажень': *алла ничә мең чакымнар* [М.б., 235] 'невесть, сколько тысяч вёрст'; *бер-ике сажин* [М.б., 306] 'одна или две сажени';

4) в качестве массы, меры употребляются слова *кадак* 'фунт', *пот* 'пуд': *утыз кадак дөгә, ярты пот май* [М.б., 270] 'тридцать фунтов риса, полпуда масла';

5) для исчисления вещей, предметов используются такие единицы объема как *дистә* 'десяток', *йөк* 'воз', *йомарлам* 'комок', *кисәк* 'кусочек', *баш* 'поголовье': *берәр дистә йомырка* [М.б., 270] 'по одному десятку яиц'; *дүрт йөк тирес* [М.б., 221] 'четыре воза навоза'; *егерме ике баш сарык* [М.б., 391] 'поголовно двадцать две овцы'.

В пятом разделе рассматриваются местоимения. В романах «Нищенка», «Мулла бабай» наблюдается особая частотность местоимений, при помощи которых Г.Исхаки стремился избежать повторений, сделать повествование более конкретным. В то же время следует подчеркнуть, что в произведениях представлены все шесть разрядов местоимений: личные, указательные, вопросительные, неопределенные, отрицательные, определительные. В романах также наблюдаются случаи употребления заимствованных местоимений; *бэгзе* 'некоторый', *фэлэн* 'некий, тот': *бэгзе тэрэзэлэр* [Н., 102] 'некоторые окна'; *фэлэн кешелэр тиеш* [Н., 142] 'такие-то люди должны'.

Отрицательные местоимения. Они указывают на отсутствие предмета и образуются от вопросительных местоимений с прибавлением числительного *бер* 'один' или местоимения *нич* 'нисколько': *берни да булмагандыр* [Н., 104] 'наверное ничего не случилось'; *ничкемнэн дустлык, ничбер иттиш шариктэн ачык йөз күрмәенчә* [М.б., 303] 'не видя ни от кого дружбы, ни от одного друга – товарища любезности'.

Определительные местоимения. Они указывают на совокупность предметов. Местоимения *бу* 'это', *бөтен* 'весь', *һәммә* 'весь, каждый', *һәрвакыт* 'всегда', *һәрбер* 'каждый' являются наиболее частоупотребляемыми в романах «Нищенка», «Мулла бабай» и выражают значения обобщенности, полной охваченности: *һәр шәкерт* [М.б., 301] 'каждый пакирд'; *аларның һәммәсе* [Н., 119] 'каждый из них'; *аның һәрвакытта уйланып йөрүенә* [Н., 106] 'на его постоянные мысли во время ходьбы'.

В шестом разделе анализируются наречия. Главной особенностью наречий является не только конкретизация глаголов и прилагательных, но и способность дополнять палитру языковых средств, изобразительности в произведениях. Экспрессивная роль наречий в романах Г.Исхаки очевидна. Основную массу лексики наречий составляют: корневые слова *бик* 'очень', *иртә* 'рано', *яхшы* 'хороший', *еш* 'часто'; производные слова *русча* 'по-русски', *французча* 'по-французски', *иртәгесен* 'на завтрашний день'; парные, сложные слова: *каполкып* 'быстро', *берәм-берәм* 'по одной', *ачлы-туклы* 'впроголодь', *беркөн* 'в один день', *быел* 'в этом году'. Наречия выражают более конкретные значения и признаки.

По лексико-семантическому признаку все наречия романов Г.Исхаки делятся на следующие группы: наречия времени, наречия места, наречия образа действия, количественные наречия, причинно-целевые наречия.

Наречия времени: *былтыргы кеби «калпания» башланды* [М.б., 268] 'как в прошлом году «калпания» началась'; *бүген дә, кичәге кеби, малайлар көлэләр* [М.б., 230] 'и сегодня, как вчера, мальчики насмеваются'.

Наречия места: *югары чардактан* [Н., 131] 'с верхнего чердака'; *ерактагына күренә торган урман* [М.б., 272] 'виднеющийся вдали лес'.

Наречия образа действия: *каты тәэсир итте* [Н., 136] 'сильно подействовало'; *кызу-кызу ашат* [М.б., 240] 'быстро кушая'.

Количественные наречия: *озак үтмәде* [Н., 139] 'не прошло много времени'; *бәрәңгесенәз бигүк картаеп китмәвенәз ярдам итешә башладылар* [М.б., 355] 'начали помогать, чтобы его картошка не очень «состарилась»'.

Причинно-целевые наречия: акча бушка китә икән [Н., 55] 'оказывается, деньги попусту уходят'; *шул хәзерләүенең әрәм китүенә* [М.б., 293] 'что старания его были напрасны'.

В седьмом разделе были исследованы служебные слова. Послелого, как служебные части речи служат для выражения различных отношений между независимыми словами. В материалах исследования встречаются такие послелого, как *белән, берлә, берлән 'с', өчен 'чтобы', кебек, кеби 'как', шикелле 'вроде', сыман 'будто', төсле 'подобно'*.

Послелог *белән 'с'* в сочетании с другими словами может выражать множество значений: 1) оттенок полноты, достатка: *гыйлем белән тулган тормыш* [М.б., 405] 'жизнь, наполненная знаниями'; 2) отношение совместности: *күрше кызы берлә* [Н., 5] 'с дочерью соседа'; 3) результат действия: *караңгылык белән зураеп* [М.б., 397] 'с темнотой увеличиваясь'; 4) время выполнения действия: *иртә берлән* [Н., 29] 'утром'; 5) причина: *сөю хисе белән бизәкләнгәнә* [М.б., 385] 'из-за того, что украшена чувством любви'; 6) орудие выполнения работы: *калганнары белән койма корып* [М.б., 288] 'с остальными соорудив ограду'.

Частицы в романах «Нищенка», «Мулла бабай» выражают множество значений. Частицы *-мы/-ме, -мыни/-мени* означают вопрос, удивление: *шундый егет кердеме* [Н., 105] 'зашел ли такой парень'. В романах также наблюдаются случаи, когда глагольные формы *-мы/-ме* во 2 лице единственного и множественного числа присоединяются к основе глагола, а суффиксы других морфологических категорий следуют после неё: *кем икәнлекемне беләмсез* [Н., 106] 'знаете, кем я являюсь'; *сизәмсез, исе үк башка* [М.б., 341] 'чувствуете ли, даже запах другой'. Такая грамматическая особенность характерна для мензелинского говора среднего диалекта и говора нагорной стороны.¹³

Подражательные слова используются для образного отображения действительности. В исследуемых романах они встречаются редко. По внешнему виду подражательные слова сближаются с междометиями, но в отличие от них они не передают чувства, эмоции. Такие слова являются воспроизведением восклицаний людей, имитацией криков животных, птиц, звуков, шумов природы.

С учётом семантических особенностей звуки подражания в романах можно разделить на звуковые и образные описания.

К звуковым описаниям относятся звуки, образованные голосовыми органами людей, в результате движений людей, а также сюда относятся звуковые описания животных, птиц, машин, механизмов, природы: *кытыйк-кытыйк дип куркып йөггә торган бер тавык* [М.б., 312] 'одна напуганная курица, которая убежала кудахча'.

Образные описания составляют световые и цветовые описания, описания характера и внешности, внутренних и соматических реакций: *лубыт-лубыт басып* [М.б., 294] 'наступая с топотом'. *Аның бөтен тәне дер-дер калтырый башлады* [Н., 185] 'Все ее тело начало дрожать'. *Аңарга сүз әйтергә ирек бирмичә зыр-зыр әйләндергә тотынды* [Н., 191] 'Не позволяя ей говорить ни слова, он начал ее быстро кружить'.

¹³ Ахатов Г.Х. Татарская диалектология / Г.Х.Ахатов. – Уфа: Баш. гос. ун-т., 1979. – 80 с.

Третья глава «Лексика романов «Нищенка», «Мулла бабай» состоит из восьми разделов.

Первый раздел посвящён квантитативной характеристике лексики рассматриваемых романов. В этом разделе мы опираемся на опыт, накопленный в области «лингвистики», в частности на работы К.Р.Галиуллина (2006).¹⁴

Лексика романов Гаяза Исхаки «Нищенка», «Мулла бабай» описывается методами количественного анализа. С этой целью на компьютере были составлены *конкорданс, алфавитно-частотный словоуказатель, список слов-исключений и слов, приведённых в кавычках, частотный словоуказатель*. В романе «Нищенка» содержится 4009 слов, в романе «Мулла бабай» – 3883 слов.

Конкорданс – традиционная форма словаря, который включает слова с частотами употребления, словоформы, примеры в виде отдельных строк. В нем все слова, словоформы рассортированы по алфавиту. Наиболее часто встречающиеся слова на букву «А» в романе «Нищенка» (240): *алу* (584), *ара* (156), *ал* (131), *ачу* (130), *арт* (123), *аңлау* (110), *акча* (94), *асрау* (88), *аяк* (79), *авыл* (74); в романе «Мулла бабай» (249): *алу* (634), *ат* (200), *авыл* (171), *ашау* (119), *аш* (110), *ал* (106), *ара* (91), *арт* (79), *абзый* (75), *аннан* (67), *ачу* (66).

Таким образом, на основе даже минимальной части конкорданса можно судить о разнообразии лексики и средней повторяемости слова. В романе «Нищенка» средняя повторяемость слова увеличивается, наблюдается меньшее количество разнообразия лексики. Что касается другого романа, то средняя повторяемость слова уменьшается, и разнообразие лексики увеличивается.

Конкордансы фиксируют всю лексику, встречающуюся в текстах романов Г.Исхаки «Нищенка», «Мулла бабай», включая и собственные имена. Основная словарная статья конкорданса содержит следующую информацию: заголовочная единица, частота заголовочной единицы, словоформы, примеры употребления (строки из романов), адреса приведённых строк.

Алфавитно-частотный словарь, полученный на базе текстов романов, представляет сведения о вариантах лексических единиц, зафиксированных в произведениях Г.Исхаки. В первую очередь это относится к орфографическим вариантам. Статистические подсчёты показывают, что повторяемость таких единиц невысока. В романе «Нищенка» представлены следующие единицы: *бетмәс-төгәнмәс* (2) – *бетмәс-төкәнмәс* (2), *дулкын* (5) – *тулкын* (2), *жәдид* (1) – *жәдит* (3), *жисман* (2) – *жисмән* (1), *книга* (1) – *книгә* (1), *максут* (1) – *максуд* (1), *маңгай* (2) – *маңлай* (1), *рахәт* (29) – *рахәт* (1), *сәләмәт* (5) – *сәләмәт* (1), *скрипка* (3) – *скрипкә* (9), *тыңлау* (38) – *тыңнау* (1), *хәләл* (1) – *хәләл* (2), *шәһадәтнамә* (2) – *шәһадәтнамә* (1). В романе «Мулла бабай» к таким словам относятся: *бадан* (6) – *бадән* (1), *дүшәмбе* (1) – *дүшәнбе* (1), *маңгай* (2) – *маңлай* (2), *менгеру* (3) – *мендеру* (2), *прошение* (1) – *прашение* (13), *солдат* (9) – *салдат* (1), *тәңкә* (5) – *тәңкә* (1), *һай* (1) – *һэй* (1).

В алфавитно-частотном словаре также представлены единицы, которые отличаются друг от друга отсутствием одной или нескольких букв. Им характерно

¹⁴ Галиуллин К.Р. О словарном описании языка произведений Мусы Джалиля «Моабитские тетради» / К.Р.Галиуллин, Р.Н.Каримуллина // Ученые записки Казан. гос. ун-та: сб. ст. – Казань, 2006. – Т. 148. – С. 56-58.

выпадение некоторого количества букв. Приведём примеры из романа «Нищенка»: *дәрес* (8) – *дәрест* (10), *дикъкат* (1) – *дикъкать* (1), *кәрзинә* (1) – *кәрзинкә* (1), *кардәш-кабилә* (1) – *карендәш-кабилә* (7), *өс-баиш* (6) – *өст-баиш* (3), *палтә* (1) – *пальтә* (3), *Петербург* (2) – *Петербург* (3), *телеграм* (1) – *телеграмма* (1). В романе «Мулла бабай» встречаются такие слова: *әлқалимә* (2) – *әлқалимәт* (1), *берлә* (2) – *берлән* (1), *валла* (1) – *валахи* (2), *гәзит* (1) – *гәзитә* (2), *дәрес* (1) – *дәрест* (16), *кардәш* (2) – *карендәш* (2), *кардәш-кабилә* (1) – *карендәш-кабилә* (6), *өс* (68) – *өст* (16), *хикая* (9) – *хикәят* (1).

Частотный словарь является ценным источником в плане изучения лексики, её тематики, грамматической сущности. Однако при характеристике некоторых частей речи приходится сталкиваться с определенными трудностями. Это связано с лексико-грамматической омонимией, которая выражается в принадлежности одного и того же слова к разным частям речи. Обращение к конкордансу позволяет разграничивать омонимичные лексемы. При распределении наиболее употребительных слов по частям речи было решено выделить их в одну группу. Эта особая группа обладает многофункциональностью. Обычно лексико-грамматическими омонимами становятся слова, принадлежащие одновременно к нескольким знаменательным и служебным частям речи.

В частотном словаре романа «Нищенка» представлены следующие лексико-грамматические омонимы: *да/дә* (1723), *бер* (786), *бу* (665), *әллә* (547), *тагы* (503), *баиш* (194), *уку* (182), *яшь* (157), *тугел* (149), *икән* (139), *ачу* (130), *йөз* (121), *таба* (119), *соң* (117), *бай* (100), *әле* (87), *авыру* (70).

В частотном словаре романа «Нищенка» одиннадцатую позицию занимает слово *бер*. Это слово выполняет функцию числительного и союза: *миңа бер бүлмә тап* ‘найди мне одну комнату’; *бер кереп, бер чыгып* ‘то, заходя, то выходя’. Слово *йөз* встречается в качестве существительного и числительного: *сөяргәләре моңардан барысы да йөз чәерделәр* ‘все его любовницы отвернулись от него’ *йөз тәңкә әрәм итүенә бер сүз әйтмәенчә* ‘не говоря ни одного слова на то что потратила сто рублей’.

В романе «Мулла бабай» наибольшей употребительностью обладают приведенные ниже лексико-грамматические омонимы: *дә / да* (1288), *дию* (1050), *бер* (531), *шул* (480), *тагы* (444) *әллә* (372), *уку* (234), *ат* (200), *бу* (153), *әле* (101), *бар* (95), *ни* (79), *яшь* (80), *инде* (70), *ачу* (66), *аксак* (65), *таба* (63), *сорәу* (59), *бит* (54), *карт* (49), *авыру* (26), *авыр* (25), *азу* (24).

В частотном словаре романа «Мулла бабай» вторую позицию занимает слово *дию*. Оно выступает в качестве существительного и глагола: *ул бит дию пәрие белән сугышкан* ‘он ведь сражался с дивом’; «юк» *диюдән башка бер сүз дә әйтмәде* ‘ни слова не сказал кроме «нет»’. Слово *бар* встречается в функции местоимения и предикатива: *шәкертләр бар да Хәлиме котладылар* ‘все шакирды поздравили Халима’; *менә монда агачлар бар* ‘вот здесь деревья есть’.

Самую активную часть лексики в романе «Нищенка» составляют глаголы. Первым по частоте употребления является глагол *иде* (1418), которому присуща многофункциональность. Этот глагол не имеет конкретного значения и участвует в образовании прошедшего незаконченного, прошедшего многократного времени.

Помимо этого вместе с другими глагольными формами он используется при образовании форм желательного, сослагательного наклонений.

В частотном словаре «Мулла бабай» существительные занимают вторую позицию. Наиболее частотным словом является имя главного героя *Халим* (684). После него следуют такие существительные как *шәкерт* (591), *хәзрәт* (471), *мадрәсә* (457), *халфә* (256), *мулла* (238), *уку* (234). Активность употребления слова *Халим* объясняется тем, что писатель посвятил роман описанию различных периодов жизни главного героя, который учится в разных медресе, после окончания учёбы, преодолев трудности, сам становится муллой.

Во втором разделе рассматриваются лексико-семантические особенности тюрко-татарских слов, встречающихся в романах «Нищенка», «Мулла бабай». Для исчерпывающего анализа лексем весь тюрко-татарский пласт был разделен на две группы: а) названия, не связанные с человеческой деятельностью; б) названия, связанные с человеком и его деятельностью.

а) **Названия, не связанные с человеческой деятельностью** (названия животных, названия птиц, названия растений, названия природных явлений, названия место-временных понятий).

Эту группу составляют слова, обозначающие ландшафт, флору и фауну – все, что функционирует самостоятельно в окружающей среде. Необходимо заметить, что такие слова не просто связаны с явлениями объективной действительности и называют предметы своими именами, а участвуют в создании цельных образов. Так, например, важную роль играют значения слов, дающих переносные значения различного характера, изображение переживаний персонажей, их жизни.

Например, у Г.Исхаки слово *эт* ‘собака’ употребляется в прямом и переносном значении: *бәтен авылның этләре бердән уларга тотынды* [Н., 197] ‘все деревенские собаки внезапно начали выть’. В романе «Нищенка» приводится очень много сравнений, включающих слово *эт*. Сравнения, раскрывающие образ Габдуллы, мужа Сагадат, как отрицательного, агрессивного персонажа: *ул, баудан котылган эт кебек* [Н.,209] ‘он, как собака, сорвавшаяся с цепи’; *хужасын таныган эт кебек көлөп* [Н.,106] ‘скалясь, как собака, узнавшая своего хозяина’. Другое сравнение *эт кебек талашу* [Н.,43] ‘лаяться, как собака’ употребляется, когда Мансур вспоминает, что в юности, будучи шакирдом, впусую тратил время на некоторые уроки, ходил, бесцельно спорил как собака на разные научные темы. А сравнение *этләр куалаган кебек кычкырынырга* [Н.,28] ‘кричать, как на собак’ показывает, как Сагадат кричала в бреду, будто отгоняла собак. Её даже во сне мучили кошмары, не говоря уже о трудностях, с которыми она боролась в жизни. Сравнение *каравылчы эт кебек тора торган асрау* [Н.,112] ‘служанка, стоящая, как сторожевая собака’ применяется, чтобы изобразить злую служанку публичного дома.

Как видно из вышеизложенного, собака в сравнениях используется для передачи целой гаммы отрицательных качеств человека: 1) агрессии, бешенства; 2) злости и язвительности; 3) низости, лицемерия.

В сравнениях писатель часто использует традиционные послелогои *кебек, төслә, сыман* ‘как, будто, словно’, которые передают понятие сравнения-сходства и ускоряют переосмысление определенных образов. С участием слова *эт*

образовано ещё несколько фразеологизмов: *эттэн алыт эткэ салу* [Н.,208] 'ругать на чем свет стоит' – говорить обо всех недостатках, неправильных поступках человека, а иногда и обзывать (фразеологизм); *эт чаба дип бет чаба* [М.б.,333] 'козел по горам и баран по горам', стараться подражать кому-нибудь, вероятно, от зависти (поговорка).

Кроме слова *эт* в романах есть другие обозначения собак – *эт баласы*, *көчек* 'щенок', что в мишарском диалекте звучит как *кочок*, *коцөк*. *Эт баласы* принимает участие в образовании сравнения: *ул яшьле күзе белән Сәгадәтнең күзенә карап, ашарга сораган эт баласы кебек моңа башлады* [Н.,190] 'он, со своими слезящимися глазами глядя в глаза Сагадат, как щенок, просящий есть, начал грустить'. Узнав, что Сагадат известно об измене мужа с другой женщиной, Габдулла пришел к ней просить прощения. В этой ситуации его жалкое состояние сравнивается с положением беспомощного щенка.

б) Названия, связанные с человеком и его деятельностью (названия, отражающие родство, гендерные различия, наименования частей тела, названия одежды и украшений, продуктов питания, названия людей по роду деятельности, названия абстрактных понятий).

Данная область лексики непосредственно связанная с человеком, его деятельностью, содержит единицы, которые употребляются не только в прямом значении, но и в переносном. Каждая подгруппа интересна стилистическими функциями отдельных лексем. Эта лексика принимает участие в обозначении самых различных явлений, используется в сравнениях, метафорах, фразеологизмах и т.д. Наименования частей тела служат не только средством повествования, но и несут в себе определенную стилистическую нагрузку. Используя наименования частей человеческого лица и тела образовано множество описаний героев, например, *ак йөз* 'белое лицо', *зур күзләр* 'большие глаза', *зәңгәр күз* 'голубые глаза', *кара чәч* 'черные волосы', *тирән күз* 'глубокий глаз', *тулы бит* 'полное лицо', *уртача буй* 'средний рост'; *шома муен* 'гладкая шея' и т.д. Но большую часть данной подгруппы составляют соматические фразеологизмы. Они подразделяются на разные семантические группы: *физическое состояние* (*күзгә йокы кермәү* 'сон не берет', *күздән утлар күренү* 'искры из глаз посыпались'); *молчание* (*авыз ябу* 'заткнуть рот', *авызына да кергәне юк* 'плохого слова изо рта не проронила'); *застенчивость* (*йөзгә кызыл йөгөрү* 'покраснеть'); *переживание* (*йөрәк калтырау* 'душа болит', *йөрәк сикерү* 'сердце не на месте', *йөрәккә кадалу* 'как ножом по сердцу', *йөрәккә барып тию* 'принимать близко к сердцу'); *физическое насилие* (*авыз жәимерү* 'чзбить', *муен төбенә утырту* 'дать по шее', *эч актару* 'избить' *яцакка ялтырату* 'ударить по щеке').

В третьем разделе проводится лексико-семантический анализ арабско-персидских заимствований. В романах «Нищенка», «Мулла бабай» они употребляются в прямом и переносном значении. Среди художественно-образительных средств выделяются сравнения: *фәрештә төсле матур Зөһрә* 'будто ангел красивая Зухра'. Сравнение *фәрештә төсле* выражает признак признака, обозначенного прилагательным *матур*.

По своей структуре сравнения состоят из нескольких компонентов:

1) сравнения, состоящие из одного существительного, которые считаются самыми

элементарными видами сравнений: *зобәржәт кебек* 'словно изумруд'; *оңмахта кеби* 'как в раю'; 2) сравнения, состоящие из существительного и относящихся к нему слов: *Газраил көткән кебек* 'словно ожидая Газраила'; *сағатың телләре кеби, аның көне терәлми-нитми, бертөрле иттереп агып бара иде* 'его дни текли, как стрелки часов, однообразно, без остановки'.

Значительное место в романах отводится фразеологизмам, в которых присутствуют арабо-персидские заимствования. Помимо общеупотребительных фразеологизмов есть также авторские фразеологизмы, поговорки: *китап калығәсе* [М.б., 289] 'книжная крепость' (авторский фразеологизм); *шәкертләр дөнъя фәрешталәре* [М.б., 310] 'шакирды – ангелы мира' (поговорка); *шәкерт дуғасы* [М.б., 280] 'шакирдская дуга' (авторский фразеологизм).

По структуре и морфологическому составу фразеологизмы разделяются на несколько лексико-грамматических разрядов: глагольные, субстантивные, адъективные, адвербиальные. Все обнаруженные в романах фразеологизмы с арабо-персидскими компонентами относятся к глагольному разряду. Например: *дошман куру* [Н., 102] 'считать врагом'; *рәхмәт уку* [Н., 22] 'благодарить'. Обычно первый компонент фразеологизмов составляют арабо-персидские заимствования, предающие абстрактные и конкретные значения из разных областей, называющие внутренние качества человека: *гакылга утыру* [Н., 12] 'браться за ум'; *гакылга сыймый* [Н., 49] 'в голове не укладывается'; *дөнъя баскан* [М.б., 314] 'быт заел'.

В четвертом разделе рассматриваются русские и западноевропейские заимствования. Им посвящается два отдельных параграфа. Наибольший интерес представляют такие тропы как метафора, метонимия созданные с западноевропейскими заимствованиями (латинский, греческий, французский, немецкий, итальянский, голландский, английский языки). Особое место занимают индивидуально-авторские метафоры образованные с участием западноевропейских заимствований. С помощью них писатель сумел создать самые необычные образы: *«агент телеграммасыны» таратты* [М.б., 284] 'распространил «агентскую телеграмму»'; *солдатлар лагерә кебек тынычлык* [Н., 109] 'тишина, как в солдатском лагере'; *яңа эхлак фонарьлары* [Н., 160] 'фонари новой этики'. Западноевропейские заимствования участвуют и в создании эпитетов: *ак фил сөягенән ясалган лорнет* [Н., 168] 'лорнет сделанный из белой слоновой кости'.

В пятом разделе лексика романов Г.Исхаки рассматривается по нескольким критериям: принадлежность слова к одному из функциональных стилей; эмоциональная окраска слова, его экспрессивные возможности.

Книжные слова играют большую роль в раскрытии характера образов. Это особенно касается образов Мансура, Сагадат из романа «Ниценка», шакирдов, учителей, мулл из романа «Мулла бабай». Например, Мансур, будучи представителем интеллигенции, выделяется умом, образованностью среди других персонажей. Он переживает за нацию, надеется на лучшее будущее своего народа. Для его речи характерны употребление пафосных арабских слов, возвышенность. *Мин муллалар ноктаи нәзарыңнан, син әйткәнчә, имансыз мине шуның өчен, Бохарада булсам, әллә кайчан асарлар иде; үз ноктаи нәзарыңнан мин иманлы, мин бөтен бәни бәшәргә иман китердем, бөтен бәшәргә хезмәт итәргә үземә*

тиеш дил ышандым, үземнең агай- энем, карендәш-кабиләм, кәвемым арасында хезмәт итүчеләр булмаганга, шулар арасында хезмәт юлына үземне кызганмаска сүз бирдем [Н., 128]. 'Я с точки зрения мулл, как ты говоришь, безбожный, меня из-за этого, если бы я был в Бухаре, давно бы повесили, что касается меня, я всем детям человечества верую, поверил и в то, что мне самому надо служить всему человечеству, из-за того что нет служителей среди моих братьев, родственников, рода, я дал слово не жалеть себя на пути служения ему'.

Просторечные слова находятся вне сферы строго нормированного литературного языка, отражают особенности живой народной речи. Среди них могут быть формы, содержащие положительную оценку называемых понятий, но гораздо больше форм, выражающих отрицательное отношение говорящего к обозначаемым понятиям. В частности в романах встречаются три группы просторечных слов:

- просторечные слова, употребляющиеся, как и синонимы общеупотребляемых слов. К таким относятся: *пешеру* 'ругать', *маташу* 'возиться', *теткәләу* 'растерзать', *эләгешу* 'сцепиться', *тегеләрне тукмый башлады* [М.б., 30] 'начал колотить тех', *чәпелдәргә тотынды* [М.б., 311] 'начал чавкать';

- просторечные слова, характеризующие низкий уровень людей, употребляющих такие слова: *агач авыз* 'глупый', *бакырыш* 'ругань', *туң агач* 'глупый', *чукынчык* 'негодник', *үзенең корсагы туйгач* [Н., 62] 'после того как насытил свое брюхо';

- фонетически видоизмененные слова. К ним относятся: *пальта* 'пальто', *пинжәк* 'пиджак', *расхут* 'расход', *танса* 'танец', *тансавать* 'танцевать'; *киеменең оригинальлыгы* [Н., 173] 'оригинальность её одежды'; *гостинцага кереп баруларын күрде* [Н., 184] 'увидела, что заходят в гостиницу'.

Эмоционально-окрашенные слова можно классифицировать на: 1) слова, выражающие положительную оценку (шутливые, ласкательные); 2) слова, выражающие отрицательную оценку (ироничные, вульгарные, бранные, презрительные).

В первую группу входят слова: *апагым* 'светик мой', *бәбкәм* 'лапочка моя', *бәгърем* 'мой милый', *жаныем* 'душа моя', *канат кисәгем* 'голубчик мой'.

Вторую группу составляют слова: *аңгыралык* 'глупость', *ахмак* 'глупец', *ганка* 'мифическая птица, но употребляется как бранное слово', *жулик*, *кабахәт* 'мерзавец', *маңка* 'сопляк', *оятсыз* 'бесстыжий', *подлец*, *тиле* 'сумасшедший'.

В шестом разделе проводится анализ лексики ограниченного употребления. К таким словам относятся жаргонная и арготическая лексика, диалектизмы, не доступные каждому носителю языка.

Жаргонная и арготическая лексика входят в сферу слов ограниченного употребления. Они обозначают понятия, которые уже имеют наименования в общенародном языке. Жаргон как социальная разновидность речи, используется узким кругом людей, объединенных общим интересом, занятием. В романах представлен молодежный жаргон, учащихся – шакирдов и жаргон лиц, связанных с публичными домами.

К первой группе относятся: *абыстаң энесе* 'братишка абыстай, то есть младший по возрасту', *ганка* 'глупый', *калпания* 'праздник шакирдов', *моназарәче* 'спорщик, умеющий вести дискуссии', *өркү* 'посвящение в шакирды методом загутивания', *уен* 'концерт, выступление шакирдов', *чәйдәш* 'самый близкий друг, с кем питаются вместе'; *дәрәскә хәзрәткә утыру* 'преуспеть в учении', *тишкадәм* 'выпускник', *жәдид* 'новичок', *Кафияхан* (*Сарыфхан, Исагулжхан, Сөлләлхан, Гакаидхан, Тәүзыйкхан, Муллажәлалхан*) 'разные звания, чины по степени образованности среди шакирдов'.

Вторую группу составляют следующие слова: *абыстай* 'владелица публичного дома', *базары кимү* 'падает спрос', *барабыз* 'извозчик', *сары йорт* 'публичный дом', *свежий кыз* 'новенькая', *кунаклар* 'посетители', *кыз булып утыру* 'составить компанию клиентам публичного дома', *на чайлык бәһәсе* 'чаевые за мелкие услуги'.

Арготизмы подразумевают тайные, засекреченные слова, используемые в очень узких кругах в устной форме. Например: арготизмы шакирдов, считалки, употребляемые во время детских игр:

– *Матки-матки!*

– *Жавабым дадки?*

– *Сина кукка менган кук айгыр кирәкме, сазга баткан сары айгырмы?*

– *Алтын кирәкме, көмешме?*

– *Ак Иделме, Кара Иделме?* [М.б., 274]

– *Матки-матки!*

– *Мой ответ дадки?*

– *Тебе нужен в небо поднявшийся сивый жеребец или застрявший в болоте желтый жеребец?*

– *Тебе нужно золото или серебро?*

– *Белая Волга или Черная Волга?*

Диалектизмы романов отличаются фонетческими, морфологическими чертами и совершенно оригинальными словами: *йомшак* 'белый пшеничный хлеб', *кагау* 'коршун', *кәнди* 'эмалированное блюдо', *кода ашы* 'гостинцы, привезенные сватами на свадьбу', *кызау* 'корзина, сплетенная из прутьев', *өртәк сару* 'повязать шаль' *тәрилкә* 'тарелка', *тиреслек* 'упрямство', *үрмәкчә* 'паук', *шурпа* 'бульон'.

Седьмой раздел посвящен устаревшей лексике романов. В романах устаревшая лексика разделяется на историзмы и архаизмы. Историзмы составляют особую группу, соответствующую пассивному слою лексики: *алпавыт* 'помещик', *ахун* 'духовное лицо у мусульман', *бикасан* 'шелковая материя', *казый* 'казий', *бояр* 'боярин', *казаки* 'легкая верхняя одежда', *камзул* 'камзол', *мирза* 'мурза', *падишаһ*, *патша* 'государь', *ратунда* 'ротонда', *управляющий приказчик*, *утар* 'имение'. В отличие от историзмов, архаизмы являются устаревшими названиями предметов и вещей. В исследуемых романах выделяются *фонетические архаизмы* (*анлар* 'они', *бунда* 'здесь', *дуст* 'друг', *уғылым* 'сын мой', *еглау* 'плакать', *йагмур* 'дождь', *сач* 'волос', *тулкын* 'волна'); *морфологические архаизмы* (*ашамак-эчмәк кибете* 'продуктовый магазин'; *вакыйгаларыны* 'события'; *тугыры үземә килсеннәр* 'пусть прямо ко мне идут'); *лексические архаизмы* (*жәдид* 'новичок', *кальгә* 'крепость', *мантыйк* 'логика',

мәмләкәт 'государство', *мәгыйшәт* 'жизнь', *сәгадәт* 'счастье', *нәһү* 'синтаксис', *сабак* 'урок', *талиб* 'ученик').

В восьмом разделе исследуются полисемия, синонимия, антонимия, омонимия. Следует отметить что полисемия – наиболее частое явление и в зависимости от контекста имеет разные значения: *ай* 1. луна, 2. месяц; *җир* 1. земля, 2. место; *баш* 1. голова, 2. конец, 3. главный, 4. начало; *кәгазь* 1. бумага, 2. бумажные деньги; *моң* 1. печаль, 2. задушевность, 3. музыкальность, 4. мелодичность; *юл* 1. дорога, 2. способ.

В романах слово *моң* 'печаль' часто встречается в разных значениях. Систематическое употребление слова *моң* прослеживается во всем творчестве писателя. В нем оно играет исключительно важную роль. В разных контекстах оно проявляет совсем новые семантические потенциалы.

В некоторых ситуациях данное слово приобретает значение 'задушевность, мотив', см. эпизод, когда один башкирский шакирд запел, каждый шакирд начал думать о своей жизни, переживать, скучать. Например: *шул күңелдән чыккан моңны* [М.б., 242] 'этот мотив, выплывший из души'; *аның моңлыгы, ачлыгы жылатасыны китерә башлады* [М.б., 243] 'задушевность этого голодного шакирда доводила до слез'.

Данное слово также употребляется в значении 'скучный': *шул кызу кояшның арканы кыздыруы аңар теләр-теләмәс моң, салкынча мәдрәсәне уйларга мәҗбүр итте* [М. б., 304] 'зной жаркого солнца невольно заставил его вспомнить скучное, но прохладное медресе'.

Оно встречается и в значении 'бледный, тусклый': *кечкәнә генә лампа казармага моң гына тычкан уты кебек бер яктылык бирә иде* [Н., 29] 'лишь маленькая лампа, как светлячок, давала какое-то бледное освещение'.

Далее писатель использует слово *моң* для выражения значения 'музыкальность'. Здесь можно привести такой пример: *тавыш якынлашты. Ул урманның акыртын гына шаулавы, кошлар чыкырдаулары арасында тагы моң, тагы матур кеби тоелды* [М.б., 275] 'звук приближался. Среди шума леса, чирикания птиц он показался ещё музыкальнее, ещё красивее'.

Другой вариант значения 'мелодичность': *аның моң гына кайный торган самавыры янында кичнең яртысына кадәр утыра* [М.б., 395] 'с ним сидит до вечера около своего мелодично кипящего самовара'.

При исследовании синонимов нами были выделены две основные группы: *идеографические* и *абсолютные*. Идеографические синонимы различаются по оттенкам значений и качественным характеристикам. Абсолютные синонимы характеризуются стилистической направленностью, где синонимические параллели недолговечны и с течением времени выпадают из лексического оборота. Поэтому более живучими синонимами считаются идеографические синонимы.

В романах выделяются два вида синонимов: 1) синонимические группы, представленные собственно татарскими словами, 2) синонимические группы, представленные разноязычными словами.

1) В данную группу можно отнести *песи*, *мәче* 'кошка'. Например: *песи кебек бер сикерүдә* [Н., 214] 'как кошка, в один прыжок; *мәче кебек урмаләп* [М.б., 234] 'подкарадываясь как кошка'. Оба варианта слова употребляются в

татарском литературном языке. По семантическому признаку их нужно отнести к идеографической группе.

Слова *там*, *тат* имеют значение 'вкус': *тормышның да элгареге таме, таты бетте* [М.б., 404] 'даже прежние вкус и сладость к жизни пропали'. Оба слова активны в современном татарском языке.

Доминирующим значением слов *кычкырышлар*, *бакырышлар* является 'крики'. В романах они являются абсолютными синонимами: *озын кычкырышлар, бакырышлар соңында* [М.б., 293] 'после долгих криков, вопли'. Слово *бакырыш* характерно для просторечной лексики.

Слова *тиреслек*, *үзсузлек* являются абсолютными синонимами. Их доминирующее значение – 'упрямство'. Слово *тиреслек* характерно для мишарского диалекта: *аның тиреслеге, үзсузлеге* [Н., 11] 'его упрямство, настойчивость'.

2) Зайствованных слов – синонимов в романах довольно много. Например, слова *сабак*, *дәрес*, *урок* 'урок' составляют один синонимический ряд. В этом ряду доминантой является стилистически нейтральное слово – *дәрес*.

Важнейший признак синонимических слов – их семантическая близость, а в особых случаях – тождество. В зависимости от семантической близости синонимия может проявляться в большей или меньшей мере. Например, синонимичность у существительных *чисталык*, *пакълек* 'чистота' выражается яснее, чем скажем у таких слов, как *букча* 'сумка, ранец', *юл сумкасы* 'дорожная сумка', имеющих значительные смысловые отличия и разные сферы употребления.

К синонимам относятся слова, варианты которых являются разноязычными: *мәдрәсә* 'медресе', *мәктәп* 'школа', *школа* 'школа'; *шәкерт* 'шакирд', *талиб* 'ученик', *ученик* 'ученик', *студент* 'студент', *курсистка* 'курсистка', *гимназистка* 'гимназистка'; *мөгаллимә* 'учительница', *мөгаллим* 'учитель', *хәлфә* 'учитель', *остаз* 'наставник', *сабак укытучы* 'учитель', *учитель*.

Антонимы, как известно, находятся на крайних точках парадигмы. Некоторые из них лишены градуальности: *эче* – *тышы* 'наружная и внешняя стороны', *олысы* – *кечесе* 'от мала до велика', *дуст* – *дошман* 'друг и враг'. Антонимия привлекается не только для выражения противоположности, даже для показания широты пространственных и временных границ: *иртәдән алып кичкә кадәр* [М.б., 338] 'с утра до вечера': *иртә чыгып кич кайту* [Н., 106] 'утром выходить, вечером возвращаться'; *куктан эзләгәнне җирдән таптым* [Н., 262] 'нашел на земле то, что искал на небе'.

Употребление одного из компонентов антонимической пары с отрицанием также способствует эмоциональности речи. Подобное использование антонимов усиливает значение того, которое употреблено без отрицания. При этом речевая избыточность служит средством актуализации понятия, на которое писатель хочет обратить особое внимание. Этот стилистический прием содержит оттенок разговорной речи с характерной для нее эмфатической интонацией: *тик тор, Сапла! Син сапламасаң да баралар, күрмисеңмени, кая киттеләр* [М.б., 296] 'не вмешивайся, Вдевай! Разве не видишь, что и без тебя они далеко ушли в научных спорах'.

В романах в большом количестве представлены *лексические омонимы* (Казань 'Казань' – казань 'котел'; ис 'чувство' – ис 'запах'); *лексико-грамматические омонимы* (ага 'течет' – ага 'старший дядя', йөз 'лицо' – йөз 'сто'; бу 'пар' – бу 'этот'). По особенностям написания и произношения в романах встречаются три группы омонимов: *чистые омонимы, омофоны, омоформы*. Чистым омонимам входят лексические омонимы: *ат* 'лошадь' – *ат* 'имя'; *ат кузгалды* [М.б., 257] 'лошадь тронулась'; *качтымьни, ни атлы соң?* [Н., 91] 'убежала что ли? Ну и как ее зовут?'; *бала аты кушарга кирәк иде* [М. б., 327] 'надо было ребенку имя дать'.

Омофоны – это слова, которые звучат одинаково, но пишутся по-разному. Их можно назвать фонетическими омонимами, потому что их появление в языке связано с действием фонетических законов. Омофоны могут образоваться из разных частей речи: *Сагадат* (сущ.) 'счастье' – *Сагадат* (имя собственное) 'счастье'; *дөнъяда сагадат бетте* [Н., 20] 'в мире счастье кончилось'; *Сагадат яхшы кыздан санала иде* 'Сагадат считалась хорошей девочкой'.

Омонимы не обедняют лексику, наоборот выполняют определенные художественно-языковые функции, будучи важным средством игры слов для писателя. Рассмотренные нами омонимы тоже придают романам особую выразительность. Удачное сопоставление созвучных форм, их обыгрывание вызывает интерес у читателя.

В заключении излагаются основные выводы, обобщенные положения, рассмотренные во всех главах диссертации.

Необходимо отметить, что интерес к изучению языка и стиля Г.Исхаки появился у исследователей давно. Первые работы появились в 1906 году (статьи Ф.Карими, Г.Карами, Ф.Туктарова, Н.Алхуждаша). За последние годы В.Х.Хаков, И.Б.Баширова, Х.Р.Курбатов, Г.Ф.Губайдуллина высказывали различные мнения о языке его произведений.

Несмотря на раннюю популярность творчества Г.Исхаки, романы «Нищенка», «Мулла бабай» до сегодняшнего дня не были предметами специального изучения, если не считать отдельных публикаций статейного характера. С.Сунчалый, Дж.Валиди, Г.Сагди, Г.Ибрагимов в своих статьях дали положительные отзывы, но иногда высказывались противоречивые суждения об этих романах. Однако все исследователи были едины в одном: романы созданы пером талантливого, неординарного писателя.

У Г.Исхаки встречаются индивидуальные для него морфологические явления, нескладное употребление или неупотребление падежных суффиксов: *бараач та асрау төшек ишек ачты Һәм дә моны керергә кушты* [Н., 50] 'как только приехали, служанка, спустившись вниз, открыла дверь и велела ему зайти'.

Падежные формы в романах выражают значения определенности, неопределенности, конкретности. Родительный, дательный, винительный падежи встречаются в огузо-кыпчакских формах склонения. Винительный падеж означает лицо, явление, предмет, над которым совершается действие и основными формальными показателями являются суффиксы *-ны /-не*. В обоих романах преобладает огузский тип оформления при помощи суффикса *-ыны /-ене* после суффиксов принадлежности 3 лица.

Глаголы в романах обладают большими экспрессивными возможностями. Наряду с наклонением в системе морфологических категорий глагола одной из основных считается залог. Наиболее часто употребляющийся страдательный залог выражает пассивно-возвратное значение: *былтыргы кеби дәрәсләр укылды* 'уроки читались также как в прошлом году'.

Имена числительные также не остаются нейтральными, употребление их создает иллюзию реальности. Иногда они могут быть в переносном значении, в составе фразеологизмов: *дөнъяның дүрт почмагыннан жыелган шакертләр* 'шакирды, собравшиеся со всех сторон света'.

В результате лингвостатистического анализа лексики романов «Нищенка», «Мулла бабай» было установлено, что с высокой частотой употребляются лексико-грамматические омонимы. Существительные, глаголы, местоимения, служебные части речи также обладают высокой частотой употребления. Прилагательные, наречия, числительные входят в зону среднечастотной лексики или обладают невысокой повторяемостью.

В отличие от конкордансов и частотных словоуказателей алфавитно-частотные словоуказатели обоих романов примечательны тем, что в них все слова распределены в алфавитном порядке. Они очень удобны в плане поиска какого-то конкретного слова. Например, в алфавитно-частотном словаре «Мулла бабай» слова *чай, чайдаш, чайхур*, расположены недалеко друг от друга. Активное употребление вышеназванных слов с основой «чай» является одним из следствий того, что Г.Исхаки красиво описал традиционные, официальные, дружеские, романтические чаепития.

Основу лексики исследуемых романов составляют общетюркские и собственно татарские слова. Помимо них особое место занимают русские и западноевропейские слова, арабо-персидские, индо-китайские, монгольские заимствования.

Следует отметить, что для романов не характерна стилевая замкнутость, в них употребляются единицы различных лексических пластов: жаргонизмы, арготизмы, вульгаризмы, диалектизмы, просторечная лексика. Так, слова *грамматика, фәлсәфә* 'философия', *жәғрафия* 'география', *социальный бүлек* 'социальный отдел', *фирка* 'партия', *эш программалары* 'рабочие программы' составляют книжную лексику. К книжной лексике относятся слова, которые употребляются в письме, официально-деловых документах, публицистике. Среди них могут встречаться и высокопарные слова, что придает оттенок приподнятости, возвышенности лексике.

Многие из диалектизмов такие как *тиреслек* 'упрямство', *кызау* 'корзина, сплетенная из прутьев', *йомшақ* 'белый пшеничный хлеб', *кәнди* 'деревянный эмалированный сосуд' *кису* 'преддровые схватки', *кагау* 'коршун' использованы писателем с конкретными целями для описания деревенского быта, пейзажа, речи персонажей. Все диалектизмы понятны, их использование стилистически мотивировано, не затрудняет восприятия.

Что касается функции устаревших слов, нельзя не учитывать тот факт, что их употребление связано с прошлым нашей страны. Для Г.Исхаки, который жил в начале XX в., все слова в романах соответствовали той эпохе и являлись общеупотребительными. К настоящему времени некоторые слова того времени

успели устареть, перешли в пассивный состав лексики и используются в художественных произведениях для воссоздания колорита эпохи или же как средство речевой характеристики персонажей.

Анализ лексики романов Г.Исхаки «Нищенка», «Мулла бабай» позволил выявить особенности языка писателя. Романы Г.Исхаки «Нищенка», «Мулла бабай» отличаются богатым арсеналом выразительных средств.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях:

1) в журнале из перечня ВАК:

1. Исмагилова, Г.К. (Исмагилова, Г.К.) Терминология животноводства, растениеводства в романах Гаяза Исхаки / Г.К.Исмагилова // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины. – Казань: Центр информационных технологий КГАВМ, 2006. – Т.185 – С. 119–125.

2) в различных научных сборниках:

2. Әхмәтҗанова, Г.К. (Исмәгыйлева, Г.К.) Г.Исхакий романнарының телен өйрәнү мәсьәләсенә карата / Г.К.Әхмәтҗанова // Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка. – Казань: АН РТ ИЯЛИ, 2006. – Вып. 7. – С.40–44.

3. Исмагилова, Г.К. (Исмагилова, Г.К.) Арабо-персидские заимствования в лексике романов Гаяза Исхаки / Г.К.Исмагилова // Материалы конференции молодых ученых и специалистов Казанской государственной академии ветеринарной медицины (тезисы докладов). – Казань: Центр информационных технологий КГАВМ, 2006. – С. 36–37.

4. Исмагилова, Г.К. (Исмагилова, Г.К.) Названия животных в языке романов Гаяза Исхаки / Г.К.Исмагилова // Материалы конференции молодых ученых и специалистов Казанской государственной академии ветеринарной медицины (тезисы докладов). – Казань: Центр информационных технологий КГАВМ, 2006. – С. 34–35.

5. Исмәгыйлева, Г. (Исмәгыйлева, Г.) Тел турындагы кайбер фикерләр / Г.Исмәгыйлева // Мирас. – 2008. – № 9 (202). – Б. 31–35.

102